

УДК 94(341.781:297.17)(470+5)

Литвинов В.П.

Российская дипломатия на Востоке и ее роль в обеспечении нужд паломников-мусульман (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Литвинов Владимир Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры религиоведения Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

E-mail: vladlenli@yandex.ru

Статья посвящена анализу практической деятельности российских дипломатических служб за границей по регулированию паломничества мусульман как в Мекку (и Медину), так и к шиитским святыням в Персии и «Турецкой Аравии».

Ключевые слова: хадж, мусульмане, Мекка, Турецкая Аравия, Российская империя, дипломатические службы.

Проблема взаимосвязи паломничества мусульман и российской дипломатии рассматриваемого периода, к сожалению, не получила должного научного освещения ни в отечественной, ни, тем более, в зарубежной историографии. Исключение составляет, пожалуй, только статья видного российского востоковеда, академика В.В. Наумкина, которая, однако, не имеет прямого отношения к паломничеству мусульман, а рассматривает более геополитические и торгово-экономические проблемы присутствия Российской империи на арабском Востоке¹.

Однако кроме всего прочего дипломатические службы на мусульманском Востоке выполняли важную миссию по обеспечению прав российских паломников мусульман, которые, как свидетельствуют источники, не раз грубо нарушались.

Особенно положение усугублялось в период обострения русско-турецких отношений. Так, перед войной 1877–1878 гг. (а тем более во время войны) власти Османской империи ужесточили свое отношение к российским «хаджиям». Об этом свидетельствуют документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), из которых, явствует, что турецкие власти, вопреки нормам международного права, часто сознательно отбирали у российских подданных мусульман-паломников их национальные заграничные паспорта, выдавая им взамен свои, называвшиеся: «тезкире» или «хамидие». Российским дипломатическим службам, особенно Генеральному консульству в Константинополе (Стамбуле), приходилось вести долгую и упорную борьбу с османскими властями практически из-за каждого паломника-мусульманина².

Считаем нелишним отметить, что турецкие власти постоянно нагнетали антирусские настроения в среде российских паломников, что привносило в страну опасные идеи панисламизма, пантюркизма, пантуранизма и проч. Турки превратили в центр антирусской пропаганды даже саму Мекку. Дореволюционный исламовед М. Машанов писал в 1910 г.: «Хадж мусульман есть как бы религиозный съезд мусульман со всего мира, которые напитавшись здесь нетерпимым фанатизмом, разезжаются обратно домой, и развозят с собой идеи панисламизма, всеобщего единения мусульман не только на религиозной почве, но и на политической»³.

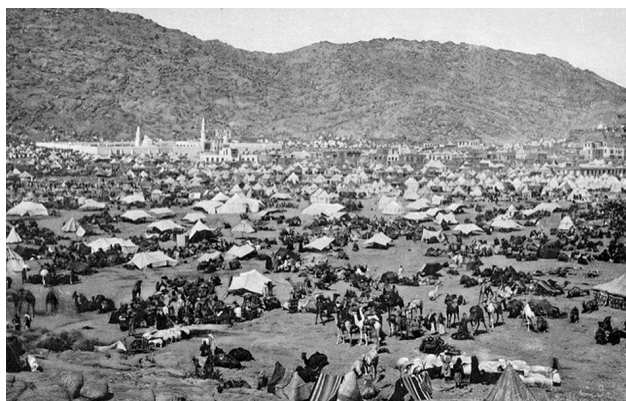
Еще один немаловажный фактор определял деятельность российских дипломатических служб – фактор санитарно-эпидемиологической неблагонадежности регионов зарубежного паломничества мусульман. В рассматриваемый нами период Мекка, в силу своей запущенности, приобрела явно «трусобный» вид. Это подтверждается мнением специалистов и людей, посетивших Аравию в то время. Так, туркестанский медик В. Волков писал в 1899 г. в статье «Заразные болезни, способы распространения и меры борьбы с ними» о том, что Мекка как город грязный и скученный, переполненный паломниками и лишенный должных санитарно-гигиенических служб, стал постоянным источником инфекционных и эпидемических заболеваний. Он указывал, что в июле 1893 г. в Мекке около 3 тыс. паломников умерли от инфекционных заболеваний ввиду отсутствия элементарной медицинской помощи⁴. Российский офицер-мусульманин, штабс-капитан Абдельазиз Давлетшин, побывавший в Мекке по заданию российского правительства в 1898–1899 гг. с целью изучения того, как относятся там к паломникам-мусульманам из России, писал, что Мекка – грязна, переполнена

¹ Наумкин В.В. Российская дипломатия в Хиджазе (конец XIX – начало XX в.) // Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика (статьи, очерки и доклады разных лет). К 190-летию Института востоковедения РАН. М. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. С. 573–602.

² См. напр.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 249 (Генеральное консульство в Константинополе). Оп. 616. Д. 752: Дело о паломниках хаджах (прошения, заявления и проч.). Л. 64.

³ Машанов М. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношения с другими инородцами. Казань, 1910. С. 92.

⁴ Волков В. Заразные болезни, способы распространения и меры борьбы с ними // Закаспийской обозрение. 1899. № 214.

Паломники в долине Мина (слева) и у горы Арафат (справа). Фото конца XIX в.

народом, опасна в санитарно-эпидемиологическом отношении и т.п. Кроме всего прочего, он указывал на главный источник распространения заразы – трупы жертвенных животных, которые тысячами лежали в долине Мина, источая зловонье и гниль на значительные расстояния¹. Можно считать поразительным тот факт, что столь ужасающее положение дел в «сердце» ислама абсолютно не беспокоило турецкие власти, они даже не делали попыток выправить санитарно-эпидемиологическую в Мекке. Они объясняли его установлениями шариата, согласно которому любая смерть во время хаджа является мечтой паломника, который в этом случае попадает сразу к «престолу Аллаха».

Естественно, что санитарно-гигиеническая ситуация в Хиджазе беспокоила царскую дипломатию. И не только ее. Внешнеполитические ведомства колониальных держав Европы, в лимитрофах которых проживали миллионы адептов религии Пророка, часть которых тоже совершала хадж, были обеспокоены опасным эпидемическим положением в Мекке и прилегающих к ней районов. По инициативе держав в Константинополе (Стамбуле) был образован т.н. Высший Международный санитарный совет, решения которого носили фактически обязательный характер для стран – членов этой организации. При всех тех противоречиях, которые существовали между державами в рассматриваемый период, они были едины в одном – ни одно из правительств не хотело заноса эпидемических и иных опасных заболеваний из Хиджаза. Поэтому, учитывая вышеуказанные обстоятельства, с целью быстрого реагирования на первые признаки появления в паломнических потоках эпидемических заболеваний, российское посольство в Стамбуле и его консульства в Османской империи поддерживали постоянные контакты с Высшим Международным Санитарным советом, державшим под контролем санитарно-гигиеническую ситуацию как в Мекке, Медине и во всей Аравии, так и в святых местах мусульман-шиитов в Турецкой Аравии (Ирак). Значительную роль в дипломатическом регулировании хаджа мусульман сыграло учреждение в 1890 г. российского консульства в Хиджазе, в г. Джидда. Ему было подведомственен и Янбо (Ямбо) – порт и последнее место в Хиджазе (запретной территории для немусульман), где могли находиться «неверные». Первым российским консулом в Джидде стал известный туркестанский чиновник, переводчик, этнограф, действительный статский советник Шахимардан Мирясович Ибрагимов (1841–1891), более известный в Русском Туркестане как Иван Иванович². Выслужившийся чиновник-мусульманин, Ибрагимов хорошо знал паломнические проблемы – он не один год проработал «дипломатическим» чиновником при туркестанском генерал-губернаторе, и, наверное, смог бы сразу наладить должным образом работу консульства. Однако вскоре после приезда в Джидду, летом 1891 г., он умер от холеры, и его преемнику дипломату Левицкому, не имевшему такого опыта работы, пришлось не без труда налаживать «призрение» российских паломников в самом сердце ислама – Мекке (а также и в Медине). Проблем у нового российского консульства сразу же обнаружилось много. Прежде всего, необходимо было защищать российских «хаджиев» от произвола турецких властей в Аравии. Основные направления деятельности нового дипломатического представительства России были оговорены в «доверительной инструкции» консулу Ибрагимову, в которой указывалось, что главная цель его деятельности заключалась

Ибрагимов и Ибрагимов

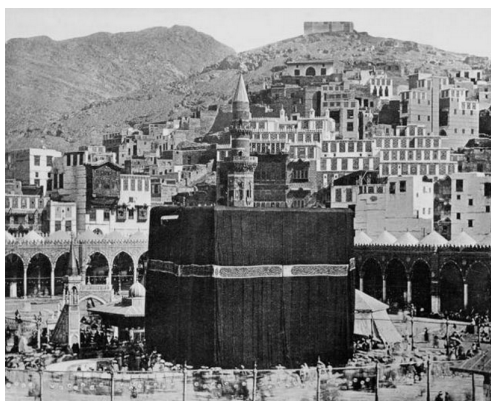
Ибрагимов

Мусульманские пилигримы. Фото конца XIX в.

¹ Российский военно-исторический архив (РГВИА). Ф. И-400 (Азиатская часть Главного штаба). Оп. 1. Д. 2239: По вопросу об изучении мусульманского паломничества и командировании штабс-капитана Давлетшина. Л. 139.

² Туркестанские ведомости. 1890. 10 июля. № 128. Кстати, газета, сообщая о назначении Ш.М. Ибрагимова консулом в Джидду, так и называла его: «Иван Иванович» прим. авт.

Мекка. Фото второй половины XIX в.

Джидда. Фото конца XIX в.

«преимущественно в покровительстве нашим паломникам»¹. Консульским работникам рекомендовалось «понимать и разделять их [паломников – В.Л.] нужды, состоя с ними в наиболее близких сношениях»².

Много хлопот доставляли российскому консульству в Джидде мекканские «далили» – своего рода маклеры, старавшиеся пошленническим образом «обработать» российских паломников. Последние также часто жаловались в консульство на нападения со стороны аравийских бедуинов. Много времени у консульства уходило на обеспечение нужд голодных, больных и умерших паломников в Хиджазе, либо по пути в него (или обратно). В 1893 г. Левицкий с большим трудом вернул на родину, в Коканд, 10-летнего мальчика, отец которого Дост Мухаммед умер во время хаджа в Мекку. Для того, чтобы решить судьбу сироты российскому консульству в Джидде, пришлось вести долгую переписку с российским послом в Турции, Министерством иностранных дел, Военным министерством, Канцелярией туркестанского генерал-губернатора, ферганским областным правлением и управлением начальника Кокандского уезда³. Со временем российскому консульству в Джидде удалось решить многие проблемы, связанные дипломатическим обеспечением паломничества (хаджа) российских мусульман. Но многие проблемы оставались неразрешимыми, поскольку их решение зависело от общего состояния «паломнического вопроса» в стране в целом.

В связи с этим в конце XIX в. российский консул в Джидде, которому из Аравии были ясней видны все проблемы паломничества (хаджа) мусульман, выступил с широкомасштабной программой улучшения дипломатического регулирования мусульманского паломничества в России. Консул в Джидде детально разработал комплекс мер по упорядочению деятельности всех служб, связанных с паломничеством российских мусульман в Мекку и Медину. По многим позициям программа, предложенная российским консулам в Джидде, была продуманной и жизненной. Недаром ее достаточно

высоко оценил российский посол в Турции А.И. Нелидов⁴. Однако он усомнился в том, что российская бюрократия сможет добросовестно и полностью выполнить все пункты этой программы⁵. Были свои сомнения на сей счет и в царском МИДе. Но главным препятствием в осуществлении указанной программы, на наш взгляд, был permanently нарастающий дефицит средств в государственной казне. Поэтому до 1917 г. дипломатическое регулирование зарубежного паломничества мусульман Туркестана как в Мекку (и Медину), так и к шиитским святыням Персии и в Турецкой Аравии оставалось на том же уровне, на котором оно сложилось в пореформенной России.

Несмотря на то, что вышеуказанная программа консула в Джидде не получила позитивного разрешения, что существовали известные издержки в работе дипломатических представительств России по регулированию зарубежного паломничества отечественных мусульман, судя по документам, деятельность российских посольств, миссий и консульств на этом направлении следует признать многогранной и эффективной. Во-первых, они были обязаны регулярно уведомлять Министерство иностранных дел России обо всем, особенно по части своевременного предупреждения о появлении первых признаков надвигающихся эпидемий или иных опасных заболеваний. Во-вторых, они должны были наблюдать за неблагонадежными элементами из числа мусульманских фанатиков (в том числе, русскоподданных), проживающих в Мекке за счет паломников, ограждая последних от их «дурного» (панисламистского) влияния. В-третьих, им вменялось в обязанность ознакомление с путями паломничества, сбор статистических данных, касающихся паломнического движения. На основе собранных данных предполагалось выработать в дальнейшем общее положение законодательного характера, которое регулировало бы паломническое движение российских мусульман.

Так, в практике деятельности российских дипломатических служб за границей по регулированию паломничества мусульман как в Мекку (и Медину), так и к шиитским святыням в Персии и Турецкой Аравии, значительное место занимали разного рода регистрационные мероприятия. Прежде всего, российские консульства регистрировали заграничные паспорта паломников. Существовал порядок, в соответствии с которым государственные учреждения, выдававшие разрешительные документы на совершение хаджа в Мекку или паломничество шиитов в их зарубежные «святые места», сообщали все необходимые сведения о таковых в Министерство внутренних дел. Последнее направляло соответствующий их анализ в МИД России, которое, в свою очередь, ставило в известность о числе предполагаемых паломников в Мекку и Медину (а также и к шиитским святыням) в свои представительства за рубежом. Это позволяло российским консульствам за границей следить за реальной динамикой паломнического процесса, вести учет паломников (и суннитов, и шиитов), знать, кто из них (и по каким причинам) в последующем не вернулся домой. Такая деятельность

¹ Цит. по: Наумкин В.В. Указ соч. С. 545.

² Там же.

³ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУзб). Ф. И-1 (Канцелярия туркестанского генерал-губернатора). Оп. 29. Д. 1067. Л. 1–8 об.

⁴ Александр Иванович Нелидов (1835–1910) – дипломат, действительный тайный советник (1896). В 1874–1877 гг., в преддверии русско-турецкой войны 1877–1878 гг., состоял советником русского посольства в Константинополе. В 1882 г. повторно назначен в Турцию сначала управляющим посольством, с 15 июля 1883 г. – послом (до 1897). Был сторонником раздела Османской империи и захвата проливов. (Прим. ред.).

⁵ ЦГА РУзб. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 1067. Л. 7.

имела сугубо практический смысл. Так, например, российские консульства регулярно информировали о численности паломников-мусульман, направляющихся в Мекку, Медину, к шиитским святыням Персии и Турецкой Аравии, Главное управление торгового мореплавания и портов, осуществлявшее контроль за перевозкой паломников, с тем, чтобы указанное ведомство могло более эффективно планировать свою деятельность¹.

Российские консульства следили за своевременной регистрацией прохождения каждым паломником карантинных мероприятий в установленных международным правом пунктах. Поскольку при прохождении карантина паломники иногда (по разным причинам) теряли свой багаж, то консульства делали все возможное для того, чтобы найти этот багаж и переправить его владельцу. Так, в 1903 г. группа российских паломников оставила в карантинном пункте «Эль-Торо» 8 багажных «мест» (кладей) и уехала. Российскому консульству не без труда удалось найти этот багаж и переправить его в Константинополь, где он был получен владельцами, отчаявшимися вернуть его когда-либо². Достаточно часто российские паломники теряли и свои заграничные паспорта. Поскольку в таком случае их дальнейшее продвижение к святым местам становилось весьма затруднительным (тем более, при вышеуказанной политике турецких властей), то российские консульства выдавали паломникам новые документы, для чего проводилась специальная процедура опознания утратившего свои документы паломника в присутствии 2-х человек, лично его знавших. При этом составлялся специальный протокол секретарем консульства. И заполнялся специальный бланк установленного образца³. Хуже обстояло дело с теми, кто утратил деньги.

Пристань для выгрузки багажа паломников в Джидде. Фото конца XIX – начала XX вв.

Ввиду того, что российские консульства не получали специальных средств для такого рода случаев, то им приходилось проявлять немалую изобретательность с тем, чтобы хоть как-нибудь помочь паломникам-мусульманам, оказавшимся в бедственном положении вдали от родины и своего дома. В связи с этим, министр внутренних дел В.Л. Горемыкин в 1896 г. представил в правительство специальную записку о мусульманском паломничестве, в которой, в частности, рекомендовал выделять российским консульствам за границей особые средства для предоставления денег в долг нуждающимся паломникам-мусульманам, чтобы они могли вернуться домой⁴. Однако таких средств выделено не было, так как государственная казна испытывала постоянный дефицит средств, на что мы уже указывали выше. В 1912 г. депутаты Мусульманской фракции Государственной Думы обвинили министра иностранных дел С.Д. Сазонова в том, что подведомственный ему российский консул в Смирне не оказал помощи паломникам, терпевшим острую нужду в деньгах⁵. Обвинение вряд ли было справедливым, так как ни консул, ни даже само Министерство иностранных дел России не имело специальных бюджетных ассигнований для оказания финансовой помощи остро нуждающимся в ней паломникам-мусульманам из Мекки, Медины или шиитских святынь мест в Персии и в Турецкой Аравии.

Мусульманские паломники нередко использовали консульство в Джидде в качестве депозитария – они сдавали имевшиеся у них на руках деньги и имущество ему на хранение. Академик востоковед В.В. Наумкин указывает, что во время хаджа 1905–1906 гг. депозитный счет консульства в Джидде составлял 30 208 рублей. А в период следующего хаджа 1907 г. объем таких средств в нем вырос до 49 859 рублей, из которых 39 001 рублей – деньгами и на 10 858 рублей – имуществом⁶. Вряд ли кто станет серьезно оспаривать то обстоятельство, что это факт свидетельствовал о росте доверия российских паломников-мусульман к отечественному консульству в Джидде, а равно и возросшем его авторитете в их среде.

Иначе и быть не могло, если учесть тот факт, что российские дипломаты за рубежом проявляли похвальную щепетильность при решении финансовых проблем паломников. Деньги, сданные паломниками-мусульманами на хранение в консульства, неизменно возвращались паломникам в полном объеме. В случае смерти паломника консульство составляло подробную опись имущества и денег умершего⁷. В последующем деньги обязательно возвращались наследникам покойного «хаджия», где бы они не проживали. Этим занимался Первый (бывший Азиатский) департамент Министерства иностранных дел России, куда деньги паломников направлялись дипломатическими представителями России за рубежом. Так, в декабре 1904 г., Первый департамент МИД переслал военному губернатору Семиреченской области, генерал-майору М.А. Фольбауму 17 руб. 52 коп. для передачи их наследникам умерших во время хаджа «киргизов»⁸ Карабая Адылова и Джатыка Бермешева⁹. В 1910 г. власти Закаспийской области получили из Первого департамента МИДа России 50 руб. для передачи наследникам умершего «хаджия» Мамеда-Турды-Клыч-оглы¹⁰. И такого рода свидетельств финансовой честности российских дипломатов перед памятью мусульманских паломников в архивохранилищах можно найти немало.

Проблема дипломатического регулирования паломничества российских мусульман не была некоей отдельной

¹ АВПРИ. Ф. И-249. Оп. 616. Д. 808: Дело о паспортах для паломников в Мекку. Л. 42.

² Там же. Л. 10 об.

³ См. образец документа: АВПРИ. Ф. И-249. Оп. 616. Д. 1176: Переписка по вопросу о паломниках. Л. 8–9.

⁴ ЦГА РУзб. Ф. И-18 (Самаркандское областное правление), Оп. 1. Д. 4370: По вопросу о паломничестве наших мусульман, значении его и мерах к упорядочению. Л. 8–8 об.

⁵ Туркестанский курьер. 1912. № 116, 125.

⁶ Наумкин В.В. Указ. соч. С. 567.

⁷ См. образец такой описи: АВПРИ, Ф. И-249. Оп. 616. Д. 186. Л. 19–21.

⁸ Так тогда называли всех кочевников Туркестана, кроме туркмен.

⁹ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РКаз). Ф. И-44 (Семиреченское областное правление). Оп. 1. Д. 2237: О выдаче наследникам денег, оставшихся после паломников, умерших в Джидде. Л. 8.

¹⁰ Центральный государственный архив Республики Туркменистан (ЦГА РТур). Ф. И-1 (Канцелярия Начальника Закаспийской обл.). Оп. 2. Д. 2789: О паломниках. Л. 11об., 16.

данностью, являясь частью общей внешнеполитической деятельности Российского государства на Востоке вообще, и на Ближнем и Среднем Востоке, в частности. Известно, что в последней трети XIX – начале XX вв. Россия значительно активизировала свою деятельность на мусульманском Востоке, что объяснялось необходимостью сдерживать натиск своих главных внешнеполитических противников в этом регионе Турции, Великобритании, а затем и Германии. Указывая на это обстоятельство, академик В.В. Наумкин пишет: «В конце XIX в. – начале XX в. на Аравийском полуострове и в Персидском заливе одно за другим открываются российские консульства, сначала в Басре и Джидде, а затем в Бушире. Кроме того, в 1903 г. было открыто прямое пассажирское сообщение по морю – от черноморского порта Одесса до Персидского залива»¹. Мы убеждены в том, что преобладающими интересами в этом были торгово-экономические. Примечательно, что в такую системную деятельность российской дипломатии на Востоке была включена и «паломническое» российское консульство в Джидде. В «доверительной инструкции», выданной Российским посольством в Турции первому консулу в Джидде Ибрагимову содержалось такое требование: «обратить зоркое внимание на условия торговли вообще и русской в особенности, а затем представить Императорскому правительству свои соображения насчет возможностей сбыта российских товаров»². И мы убеждены в том, что исполнение российским консульством в Джидде такого требования не только не мешало его «паломническим» обязанностям, но и способствовало ей, так как среди мусульман-паломников в Мекку и Медину из России было немало людей торгового сословия, то есть тех, кто кроме хаджа, был заинтересован и в изучении потенциальных возможностей Хиджаза (а равно и мест на пути к нему) для развития с ним торговых, экономических и прочих связей.

Вышеизложенное позволяет прийти к заключению о том, что царская дипломатия рассматриваемого периода была тесно связана с проблемами паломничества мусульман. Несмотря на все его издержки, оно имело положительное значение не только для развития хаджа в Мекку (или «зиярата» шиитов), но и для укрепления международных связей мусульман России со своими иностранными единоверцами, расширения их житейского кругозора, межцивилизационного сотрудничества и т.д. Дипломатические службы России за границей способствовали упорядочению паломничества мусульман, «помогая решить множество связанных с этим непростым в те времена делом юридических, экономических, транспортных и медицинских проблем»³. Это замечание видного российского востоковеда Р.Г. Ланды, на наш взгляд, весьма ясно и точно отражает роль и значение дипломатического аспекта в системе предпринятого нами исследования о мусульманском паломничестве в дореволюционной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 249 (Генеральное консульство в Константинополе). Оп. 616. Д. 752: Дело о паломниках ходжах (прошения, заявления и проч.). Л. 64.
2. АВПРИ. Ф. И-249. Оп. 616. Д. 186. Л. 19–21; Д. 808: Дело о паспортах для паломников в Мекку. Л. 42; Д. 1176: Переписка по вопросу о паломниках. Л. 8–9.
3. Российский военно-исторический архив (РГВИА). Ф. И-400 (Азиатская часть Главного штаба). Оп. 1. Д. 2239: По вопросу об изучении мусульманского паломничества и командировании штабс-капитана Давлетшина. Л. 139.
4. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РКаз). Ф. И-44 (Семиреченское областное правление). Оп. 1. Д. 2237: О выдаче наследникам денег, оставшихся после паломников, умерших в Джидде. Л. 8.
5. Центральный государственный архив Республики Туркменистан (ЦГА РТур). Ф. И-1 (Канцелярия Начальника Закаспийской обл.). Оп. 2. Д. 2789: О паломниках. Л. 11 об., 16.
6. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУзб). Ф. И-1 (Канцелярия туркестанского генерал-губернатора). Оп. 29. Д. 1067. Л. 1–8 об., 10 об.
7. ЦГА РУзб. Ф. И-18 (Самаркандское областное правление), Оп. 1. Д. 4370: По вопросу о паломничестве наших мусульман, значении его и мерах к упорядочению. Л. 8–8 об.
8. Волков В. Заразные болезни, способы распространения и меры борьбы с ними // Закаспийской обозрение. 1899. № 214.
9. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М.: Восточная литература, 1995.
10. Машанов М. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношения с другими инородцами. Казань, 1910.
11. Наумкин В.В. Российская дипломатия в Хиджазе (конец XIX – начало XX в.) // Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика (статьи, очерки и доклады разных лет). К 190-летию Института востоковедения РАН. М. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. С. 573–602.
12. Соколов Д.Ф. Отчет принцу Ольденбургскому по командировке в г. Джедду. Сообщено в Антропологическом обществе при Военно-медицинской академии. СПб.: Типография Стасюлевича, 1901.
13. Туркестанские ведомости. 1890. 10 июля. № 128.
14. Туркестанский курьер. 1912. № 116.
15. Туркестанский курьер. 1912. № 125.
16. Mahdavi S. "Shahs, Doctors, Diplomats and Missionaries in 19th Century Iran." *British Journal of Middle Eastern Studies* 32.2 (2005): 169–191.
17. Memish Z.A., Stephens G.M., Steffen R., Ahmed Q.A. "Emergence of Medicine for Mass Gatherings: Lessons from the Hajj." *Lancet Infectious Diseases* 12.1 (2012): 56–65.
18. Shair I.M., Karan P.P. "Geography of the Islamic Pilgrimage." *GeoJournal* 3.6 (1979): 599–608.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Литвинов, В. П. Российская дипломатия на Востоке и ее роль в обеспечении нужд паломников-мусульман (вторая половина XIX – начало XX вв.) / В.П. Литвинов // Пространство и Время. — 2015. — № 1—2(19–20). — С. 398—402. Стационарный сетевой адрес 2226-7271prov_st1_2-19_20.2015.122.

¹ Наумкин. В.В. Указ. соч. С. 540–541.

² Цит. по: Наумкин В.В. Указ соч. С. 545

³ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М.: Восточная литература, 1995. С. 139.